

IN MEMORIAM

С.А. Корсун

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ К НЕНЦАМ ПОД РУКОВОДСТВОМ В.А. КОЗЬМИНА

В 1984 г., после окончания III курса кафедры антропологии и этнографии исторического факультета ЛГУ, я участвовал в экспедиции к ненцам полуострова Ямал под руководством Валериана Александровича Козьмина. Экспедиция состояла из трех студентов (С. Корсуна, И. Гагина и А. Федосеева) и В.А. Козьмина. Я расскажу о своих впечатлениях об этой экспедиции.

В июле 1984 г. мы выехали на поезде из Ленинграда в Воркуту. Во время этой поездки меня поразил вид города Череповца — примерно тридцать минут мы ехали вдоль дымящихся труб. Все за окном — земля, дома, деревья, машины — было черного цвета от сажи из труб металлургических комбинатов. Еще одно яркое впечатление — бесконечные вереницы новых паровозов на запасных путях. Валериан Александрович объяснил нам, что в случае ядерного удара электровозы и тепловозы встанут, а паровозы не зависят от электричества: чтобы они ездили, необходимы только уголь и вода. Из Воркуты мы переехали в Салехард, где были вынуждены задержаться на две недели. Дело в том, что финансирование для

нашей экспедиции Валериан Александрович должен был получить в Сбербанке в Салехарде, но когда мы там оказались, выяснилось, что деньги из ЛГУ еще не поступили. Мы устроились в гостиницу и стали ждать перевода денег. На первом этаже нам предоставили комнату с дверью без замка. Проведя в номере первую ночь, мы сдали вещи в камеру хранения и отправились гулять по городу. Когда мы вернулись в гостиницу, выяснилось, что камера хранения платная, а наши доводы о том, что в двери нашего номера отсутствует замок, не произвели никакого впечатления. Поэтому в дальнейшем мы были вынуждены посещать столовую и выходить в город с фотоаппаратами и рюкзаками.

Из двухнедельного пребывания в Салехарде мне запомнились два события. Однажды днем, когда мы находились в своем номере, к нам вбежал милиционер в звании майора с пистолетом в руке и стал кричать: «Встать. Кто такие? Предъявите документы». При этом, кто мы такие, было прекрасно известно администрации гостиницы, так как при поселении мы предъявляли и паспорта, и командировочные удостоверения. На демарш милиционера Валериан Александрович спросил: «Почему так грубо разговариваете?» и предъявил командировочное удостоверение от университета. Вторым запоминающимся событием стало посещение местного краеведческого музея. По дороге Валериан Александрович попросил нас, ничего не объясняя, в музее не смеяться. В музее действительно было много хороших экспонатов по традиционной культуре ненцев и другие вещи, в том числе картины. Глядя на одну из картин, было очень трудно удержаться от смеха. На картине была изображена группа ненцев в меховых парках, сидящих вокруг костра, перед ними стоял человек в парке без капюшона с вытянутой вперед рукой — это был В.И. Ленин. На наши слова о том, что В.И. Ленин никогда не был на Ямале, Валериан Александрович ответил, что это символический образ вождя, который несет угнетенным народам Севера и Сибири лучшую жизнь.

Дождавшись финансирования, мы продолжили свое путешествие. Сначала мы плыли по Оби на небольшом теплоходе. Здесь мы впервые увидели ненцев — человек 20 женщин и детей. Удивило то, что они были в национальной одежде и с украшениями из монет. Будучи в русских деревнях, я никогда не видел женщин в народ-

ных костюмах — в сарафанах и с кокошниками на голове. Группу ненок сопровождала русская женщина — культработник. Валериан Александрович рассказал нам, что у нее примерно такие же обязанности, как у агента из Бюро по делам индейцев в США, он называл эту женщину «индейским агентом». То есть она должна встретить группу ненок, устроить их в общежитие, проводить в женскую консультацию, обеспечить питанием и т.д.

На Ямале в течение нескольких дней мы побывали только в двух ненецких поселках (их названий я сейчас уже не помню). Первый из них состоял из одной длинной улицы, на которой в ряд расположились деревянные одноэтажные дома. Каждый из домов был на две семьи и имел два входа. Улица была названа именем единственного ненца, награжденного медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Звание Героя Советского Союза он получил за то, что зимой 1942 г. обнаружил немецкую военную базу на острове Новая Земля.

По опыту предыдущих экспедиций мы собирались сделать подомовой обход для сбора этнографической информации, но Валериан Александрович запретил нам ходить по домам. Свое решение он объяснил тем, что ненцы будут ждать от нас угощения водкой. Вместо подомового обхода мы отправились в сельсовет, где стали переписывать сведения из похозяйственных книг. В них содержались данные о составе семей, образовании, доходах и местонахождении отдельных членов семьи. Эти сведения разрушили мои последние иллюзии о социалистическом преобразовании жизни коренных народов Севера и Сибири. В среднем ненецкая семья состояла из 6–7 человек трех поколений. Старики получали пособие по старости, глава семьи был оленеводом или получал пособие по инвалидности, жена получала пособие как многодетная мать, большинство детей учились в специальных классах для детей, отстающих в развитии. Часть 15–18-летних юношей и девушек отбывала заключение в колониях и тюрьмах. Продолжительность жизни была очень низкой, меньше 50 лет. Здесь же мы нашли данные о поволжских немцах, сосланных на Ямал в 1941–1942 гг. Сведения были только о женщинах и детях, большая их часть умерла на Ямале в период войны.

В этом поселке мы фотографировали ненецкое кладбище. Сначала все было хорошо, но когда мы потоптали мох, комары облепи-

ли нас со всех сторон. Спасаясь от них, нам пришлось буквально убежать с кладбища. Валериан Александрович рассказал, что если у ненцев в тундре потеряется ребенок, то его ищут не более пяти часов, так как за это время комары успевают высосать из ребенка всю кровь.

Во втором ненецком поселке мы находились больше недели, здесь же располагалась база нефтяников, в поселке имелись столовая и баня. Вечером мы поужинали в столовой, а на следующий день пришли на обед. Однако сотрудница столовой сказала, что обеда нет, так как для нас она ничего не готовила, и что если в дальнейшем мы собираемся питаться в столовой, то об этом надо будет сообщить заранее.

Здесь Валериан Александрович договорился с местным начальством о посещении ненецкого оленеводческого стойбища в тундре. Накануне отъезда Валериан Александрович сообщил, что в моторной лодке только четыре места (одно для проводника и три для нас), поэтому нам придется ехать без него, и что проводник обещал довести нас до стойбища и познакомить с ненцами. Утром мы увидели проводника — крепкого молодого ненца лет 25. Мы сели в лодку и час или два плыли вдоль берега. На троих у нас было два рюкзака (один килограммов 20, а другой — 10), мощный бинокль и карта. Сойдя на берег, мы несли рюкзаки следующим образом: один — 20 килограммов, другой — 10, третий шел без рюкзака. Через каждые полчаса менялись рюкзаками. Проводник сразу же пошел очень быстро, и мы едва за ним успевали. В первом перерыве мы намазались жидкостью от комаров, а потом наливали жидкость в ладони и умывали ею лицо.

Через два часа проводник остановился и сказал: «Я уже вижу чумы, дальше пойдете сами». Мы достали бинокль и еле-еле рассмотрели на горизонте несколько чумов, посмотрели направление на карте и отправились в путь. Опасность ситуации заключалась в том, что, пока мы шли к стойбищу, ненцы могли собрать чумы, сесть на оленей и уехать и тогда мы остались бы в тундре одни посреди болот и озер. Сначала мы шли, обходя все болота и озера, но в конце концов так устали, что обвязались длинной веревкой и пошли напрямик через болота в расчете на то, что если один из нас провалится, то двое других смогут его вытащить. Идти нам пришлось

еще три часа, и когда до стойбища было метров 200, мы сделали привал и пообедали своими консервами.

Когда мы пришли в стойбище, женщины разбежались, осталось лишь несколько мужчин, одетых в меховые парки. Они спросили, кто мы такие и что нам надо. Мы ответили, что мы этнографы из Ленинграда и приехали изучать их культуру и быт. После этого ненцы ушли, и мы остались одни посреди стойбища. Видимо, они совещались, что с нами делать.

Нас определили в чум, в котором жил молодой парень (кажется, его звали Коля) со своей матерью. Коля недавно отслужил в армии и хорошо говорил по-русски, его мать говорила только по-ненецки. Думаю, что в этом чуме жили и другие люди, но его специально освободили для нас. Хозяйка стала нас угощать строганиной — сырой рыбой. Я очень боялся инфицирования глистами, поэтому с трудом съел один кусок, а остальное отдал собаке. В дальнейшем нас кормили копченой уткой, вся тушка которой была напичкана дробью, и предлагали сырое мясо.

У одного оленя в стаде нашли копытницу — болезнь, вызывающую гниение копыт, поэтому его забили и сняли шкуру. Тушу перевернули спиной вниз и вынули из нее внутренности. Таким образом, сама туша выполняла роль большого сосуда, на дно которого по стенкам стекала кровь. Ненцы, сев на землю вокруг туши, ножами отрезали от нее большие куски мяса. Затем это мясо зажимали в зубах и от большого куска отрезали маленький кусок, который прожевывали. При этом их лица и руки были сильно измазаны оленьей кровью. Сырое мясо мы есть не стали, но непрерывно фотографировали трапезу ненцев.

Среди прочего нас угощали сгущенным молоком. Когда мы вернулись в поселок, Валериан Александрович сказал, что нас принимали по высшему разряду, так как сгущенное молоко предназначалось только для маленьких детей и взрослые в тундре его не употребляют. У каждого из нас были свои металлические миска и кружка. Хозяйка нашего чума с особенной любовью натирала мою миску, кажется, этот процесс длился часами. Я хотел ей подарить свою миску, но тогда сам остался бы без посуды. Только потом я сообразил, что надо было предложить обменять мою новую миску на

какую-нибудь старую. Из подарков для ненцев у нас были только консервы, а у И. Гагина небольшое количество бисера.

Всего в ненецком стойбище мы провели трое суток. Через трое суток ненцы свернули чумы и перекочевали на новое место, а Коля проводил нас до берега, где стояла деревянная времянка и куда за нами должна была прийти моторная лодка. На крыше времянки лежали три или четыре черепа оленей с рогами. В дальнейшем Валериан Александрович объяснил нам, что это черепа оленей, принесенных в жертву духам. Во времянке мы провели минут десять, после чего пришла лодка. По пути в поселок мы вместе с проводником сняли невод с рыбой и получили свою часть улова. На следующий день в гостинице мы сварили уху из этой рыбы.

Этнографических данных мы собрали немного — кое-что об оленеводстве, одежде, пище, рыболовстве и охоте, в частности об охоте на белого медведя. Думаю, что главный научный результат нашей экспедиции составили те несколько сотен фотографий, которые мы приложили к своим экспедиционным отчетам и передали Валериану Александровичу. Недавно я посмотрел фильм о жизни ненцев, снятый в 1930-е годы. В целом, картина та же самая, что мы наблюдали в 1984 г., — те же чумы, ненцы в парках и стада оленей.